

политика

В.А.Ковалев

НАШЕ ФАНТАСТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ

И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ

В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФАНТАСТИКЕ:

ЗА И ПРОТИВ (II)¹

**Распад СССР –
фантастический
шок**

¹ Окончание. На-
чало см. *Полития*,
2008, № 1, с. 42–
64.

Крах социализма в СССР, как ни странно, пока не слишком часто вдохновляет фантастов на создание альтернативных версий истории, например связанных с вмешательством мирового разума или «сверхчеловеков», выступающих на стороне ГКЧП (здесь, наверно, стоит читать скорее Сергея Кургиняна – это тоже своего рода фантастика от политологии). Вместе с тем эти сюжеты и не обходятся полностью. Вспомним Бориса Акунина, который, стремясь доказать, что его перу покорны все жанры, написал роман под названием «Фантастика», где героя, получившего после контакта с инопланетными артефактами сверхъестественные физические способности, некая теневая власть собирается послать на помощь «путчистам». Но потом приказ отменяется; московской «закулисе» выгоднее распад Союза, нежели его сохранение. Открываются невиданные ранее возможности для наживы и мародерства. Что ж, вполне реалистично.

Однако встречаются и другие фантастические версии распада СССР и поражения нашей страны в холодной войне. Самые интересные из них можно найти на страницах так называемой «нехудожественной фантастики», о которой уже шла речь в первой части статьи.

Сергей Переслегин пишет: «Противоречия между слоем люденев и остальной Америкой обеспечивает развитие и самое существование этого социума. За это нация платит катастрофическим оглушением основной части населения и неспособностью выжить в отсутствие контроля и помощи со стороны люденев. Зато „народ“ является носителем идеи величия Америки, которая не им создана и не за его счет существует (строго говоря, люденам – а они и есть Америка – основная масса только мешает, но существование их необходимо для процветания самих люденев, а их деградация – для дальнейшей эволюции люденев). Вместе люденевы и народ образуют два полюса социального двигателя...»

Антисоветизм люденев, их „переключение“ плана Азимова на свои возможности и доведение его до успешного конца могут быть объяснены как атавистическими мотивами (в конце концов, люденевы

порождены американской нацией и американской культурой, и, как бы то ни было, враги Америки – их враги), так и мотивами самосохранения (поскольку людены не бессмертны и серьезные войны с применением оружия массового поражения в их планы не входят, они решили проблему кардинально быстро и с наименьшими обоюдными потерями уничтожили одну из сторон конфликта – разумеется, не „свою“)»².

² Переслегин, Переслегина 2001: 643.

Другая цитата, «вразрез», взята из фантастического романа Джеймса Шмица «Водный мир»: «Теперь они получили рациональное объяснение прошлой катастрофы, и это в какой-то степени успокаивало их разбитую гордость. Быть превзойденным врагом с аномальными способностями, о существовании которого и не подозревали, – это еще можно было допустить. Человеческий вид как таковой был неполноценным... Его видимая сила заключалась в том, что его огромными массами управляли и руководили эти чудовищные выродки»³.

³ Шмиц 2002: 286.

Дело в том, что, по утверждению С.Переслегина, известного в интернете как «Кашалот», США выиграли тихоокеанскую войну у японцев и холодную войну у нас, ибо ведомы «люденами», намек на которых содержится в «Академии» А.Азимова.

Попробуй возрази. Не вести же спор, сколько в Америке люденов и какова их роль в политике, в рамках научного дискурса!

Но в границах жанра (а фантастика – это великий жанр и одно из наиболее впечатляющих достижений культуры Модерна, несмотря на океан разлитой здесь глупости!) всегда найдется достойный ответ. И в качестве заочного ответа «Кашалоту» и «генштабисту» (С.Переслегин предлагал создать некий «генеральный штаб» для планирования нашего будущего: юношеская свежесть души или не доиграл в солдатики?) коллизии упомянутого романа Шмица оказываются очень кстати.

В «Водном мире» речь идет о том, что на одну из планет, колонизированных человечеством, вторглись злобные ящеры, которые никак не могут понять, почему им не удается победить таких неорганизованных и разобщенных людей. Ведь у захватчиков существует жесточайшая дисциплина и высочайший уровень организации, основанный на испытании болью, их логика и учение кажутся совершенными и безупречными... (Никому ничего не напоминает?) Свой проигрыш ящеры объясняют тем, что сборищем никчемных и слабо развитых людей руководят таинственные существа «тувелы» (или «людены», в терминах переслегинских-калалашниковых), в сознании которых тоталитарная эпоха оставила неизгладимый отпечаток, влияя – явно или подспудно – на ход их рассуждений.

Шок от глобального проигрыша чрезвычайно велик; то, что некоторые ищут причину в «тувелах», неудивительно. А может быть, дело все-таки в свободе, внешней и внутренней, в умении распоряжаться ею и/или в привлекательности идей свободы, пусть даже они и утопичны? «Могущество Америки состоит не в политике или экономике самих по себе и даже не в военной мощи или массовой культуре, а в том *утопическом*

⁴ Штепа 2004: 14.

проекте, который является их основой. Мерцающим за ними „бэкграундом“», — замечает по этому поводу Вадим Штепа⁴. Несмотря на то что цитируемое произведение вышло в издательстве покойного Ильи Кормильцева «Ультра-Культура», девизом которого были слова «Все, что ты знаешь, ложь», и сам Штепа в поисках альтернатив «бьет сразу по всем клавишам», люденской версии в его книге места не нашлось.

Обратимся к творчеству еще одного автора, работающего в жанре «нехудожественной фантастики». Нет, он призывает не к реализации новой коммунистической утопии, а всего лишь к построению СССР-2, но с учетом тех фатальных ошибок, которые были допущены при создании первой его версии. «Теперь наступает время сделать третий рывок из лап смерти и запустения. Только уже без миллионов заключенных и НКВД, уже не ценой голода и демографических потерь. И в этом нам должны помочь и необычные технологии, и дерзкие проекты, и сама атмосфера в нынешнем мире, в котором снова проявляются мерзости глобо-капитализма. Отбросим глупые надежды тех оппозиционеров, которые благодумствуют, считая, будто можно выиграть схватку старыми способами, посадив народ на карточную систему, упоывая на то, что даже в обчищенной стране останутся и нефть, и газ, и атомная бомба. Мы пойдем, господа-товарищи, другим путем. Очень высокотехнологичным... Наверное, многих это погрузит в уныние, однако мы должны сказать честно: спасти русских в этом веке может только чудо. Вернее, целая гамма чудес»⁵. Ну чем не сказочно-фантастический подход? Был процитирован чрезвычайно плодовитый журналист Владимир Кучеренко, публикующийся под красноречивым псевдонимом Максим Калашников. В каждом своем опусе (иногда в соавторстве с Сергеем Кугушевым, Юрием Крупновым и др.) он проводит практически одну и ту же мысль: Советский Союз развалился по причине несостоятельности его элит — у Сталина так и не нашлось достойных преемников. Современная Россия в полном упадке и не имеет никаких перспектив. Если так будет продолжаться — ей не выжить. Даешь новые технологии! Они были уже в СССР-1, только ими не сумели воспользоваться. Сначала М.Калашников делал упор главным образом на военную технику⁶, потом (возможно, под влиянием Михаила Делягина⁷) стал пропагандировать более широкий спектр новых технологий, прежде всего технологии управления сознанием, способные обеспечить «прорыв в нейромир». Будущее принадлежит русским люденам, несовершенным предтечей которых был Адольф Гитлер. В очередном технотриллере «Вторжение из будущего» Калашников анализирует уроки прошлого и описывает военные успехи главных террористов XX в.: Гитлера, Сталина, Бегина. В связи с деятельностью последнего он, например, пишет: «...До восьмидесятых годов политика Израиля определялась бывшими боевиками и террористами. И каких успехов они добились!»⁸

⁵ Калашников 2003: 207–209.

⁶ Калашников 1998, 2000.

⁷ См. Делягин 2000.

⁸ Калашников 2006: 428.

Восхищение немецким фюрером и советским вождем, чьи «подвиги» обернулись громадными жертвами среди нашего народа и привели

к необычайно тяжелым, а в российском случае, возможно, и непреодолимым, гибельным последствиям, для патриота и провозвестника «сверхновой России» по меньшей мере странно. Да и описываемым М.Калашниковым «чудесным технологиям» тысячи лет – напади неожиданно, напугай, обмани, – разница только в техническом уровне. Но обратим внимание на еще одну идею М.Калашникова – воспитание новой элиты. Соответствующий образец автор видит в воспитательно-образовательных заведениях СС. «...Легко себе представить, какое действие в нынешнем расслабленном мире „толерантно-политкорректных европидеров“... произведут воспитанники школ такого типа. Да они уподобятся стае волков среди стада овец. В среде изнеженных, мягкотелых, разобщенных особей такие воины добьются всего и вся. Мое глубокое убеждение... в том и состоит, что русским нужно заводить подобные школы. Да, на основе новых идей – но с той же методикой»⁹.

⁹ Там же: 384.

Такие школы завели по всему миру. Центр в духовно преобразившейся Америке. Но это совсем другая книга... Как уже говорилось, идеологические и политические альтернативы в фантастике представлены весьма обширно, и можно найти произведение на любой вкус, с полным набором аргументов «за» и «против». А иногда и искать специально не надо. Так получилось, что практически сразу после «фашизоидного» опуса М.Калашникова «Вторжение из будущего» в наших руках оказался «православно-фантастический» роман Яны Завацкой «Ликей» (серия «Роман-миссия» издательства «Лепта»; в этой серии опубликована, в частности, брутальная «Мечеть Парижской Богоматери» Елены Чудиновой).

В «Ликее» окончившая это учебное заведение и прошедшая «путь воина» (виртуальное испытание, связанное с поиском выхода из самых безвыходных ситуаций) американка с русскими корнями Джейн приезжает в Санкт-Петербург работать в генетической консультации и нести свет цивилизации аборигенам, погрязшим в лени и нищете. В подобной мгле и приходится жить ликеидам, их попытки улучшить окружающую действительность не слишком успешны. Да и само ликейство вместе с установленными с его помощью порядками по ходу романа подвергается решительному развенчанию. Мишени, на которые направлен пафос «Ликейя», вполне узнаваемы: планирование семьи, ведущее к резкому снижению рождаемости, дебилизация населения посредством массовой культуры, профанация образования и несчастная судьба детей в школах с «облегченной программой», а главное – безбожие, прикрываемое синтетическим культом и медитациями, от которых можно сойти с ума.

Впрочем, детали не очень прописаны. Завацкая спешит рассказать о своем, о «девичьем». Джейн встречает Алексея, который добровольно вышел из Ликейя и обратился к христианству. В нем, а потом и в молодой женщине, полюбившей загадочного русского пилота безнадежной любовью, человек побеждает сверхчеловека. Хотя наша героиня и воспитана как воин, в конце романа она отвергает путь избранных. Исключенная из числа ликейцев Джейн ждет ребенка от Алексея, который

женится на ничем не примечательной девушке-«аборигенке», и собирается вести с ним трудную жизнь, обычную для человека в России. Получается, что совершенство избранных – это порок; оно куплено слишком дорогой ценой: вокруг нищета и болезни маргиналов, чья жизнь при всем том более «естественна».

Попутно у Завацкой достается многим: антропософам, Даниилу Андрееву (а нечего видеть то, что встает перед внутренним взором, и записывать-хранить с огромным риском и терпением!), пророку нашему Александру Исаевичу (Джейн, еще ликейдка, читает лекцию о новых культах в гимназии им. Солженицына) и т.д. и т.п.

Почему же при всей упрощенности и порой несуразности «Ликейя» его основной идее сочувствуешь? Не потому ли, что уже сейчас значительная часть наших сограждан низведена до положения маргиналов – и до окон с бычьим пузырем совсем недалеко? Новые «людены» стремятся превратить в маргиналов большинство человечества. Мир, обустроенный по правилам пиара и менеджмента, окажется раем для сверхлюдей и адом для остальных. Сверхлюдьми мы вряд ли станем. Быть слабыми, несовершенными, сохраняя человечность, – такова, если угодно, наша миссия. Преодолеть человеческое – не антихристово ли искушение? М.Калашников, кажется, искренне не понимает, что мы воюем и, если можем, побеждаем по-своему: несчастные, полуголодные, с «последней гранатой» против танков и сверхчеловеков, выведенных в прекрасных школах на берегу озер...

При том что нравственный пафос «православной фантастики» помогает не терять надежду, реалии русского XXII в. попросту ужасны. Население и территория описанной в «Ликее» России существенно сократились: Москва, например, в ее состав уже не входит. Постоянными спутниками жителей этой новой России являются нищета и болезни. Из народа вынули душу, и он страшно деградировал. Не погибнуть окончательно можно только Верою.

Явственно видно, что литература отражает шок от «катастрофки» и последующих событий, который не мог пройти бесследно. Произведения, созданные после «крупнейшей геополитической катастрофы» (по выражению В.Путина), несут на себе печать этих потрясений. Антиутопия Завацкой проецирует распад и деградацию некогда великой державы на два столетия вперед. Аналогичные мотивы можно найти и в текстах, написанных в жанре фэнтези. Приведем для примера отрывок из романа «звезд» жанра Сергея Лукьяненко и Ника Перумова «Не время для драконов». В нем колдунья-подросток уводит героя из постсоветской реальности в мир, где царит магия. Для попавших туда наша реальность оказывается уже Изнанкой. Вот беседуют два бывших соотечественника:

«Виктор позволил себе еще один бокал пива – честно говоря, уже и лишней, и так отяжелел от жары и выпивки.

– Тебе, наверно, интересно, что дома делается? – спросил он у Николая.

— Дома? А что, все там нормально. Жена за хозяйством следит, малец, наверно, как раз поросят кормит...

— Я имею в виду Изнанку.

— А... Изнанку... — Николай хлопнул еще бокал пива. — Ну не знаю. А чего мне, собственно? Возвращаться я не собираюсь, даже если б мог. Про родных моих ты все равно ничего не знаешь. Ну... войны-то хоть нет?

— Нет.

— А это... — капитан задумался, — ну... что-нибудь такое, интересное, случилось? Летающую тарелку поймали, или СПИД лечить научились, или...

Он тяжело задумался. Махнул рукой:

— Не хочу я ничего знать, Витя. И вспоминать даже про Изнанку не собираюсь! И тебе советую — наплюй и забудь!»

«Наплюй и забудь» — таково кредо массового человека постсоветской действительности. Кредо «совка», который в эпоху «демократизации» перепутал свою потребность в колбасе с тягой к свободе и теперь раскаивается в этом. Мир враждебен, и улучшить его в принципе невозможно. Остается вести самую простую жизнь и наслаждаться тем, что есть: пивом, подсобным хозяйством, семьей; даже мировые сенсации — и те не интересуют по-настоящему. Так существуют люди после катастрофы, они озабочены выживанием, и в их жизни уже нет места каким-либо социальным перспективам. Выживание, а не развитие — вот главная составляющая успеха в российской политике в последние годы. Отсюда и пресловутый рейтинг президента, и так называемые «национальные проекты».

Конечно, не все с этим согласны. В иных произведениях настрой может быть другим. В повести С. Лукьяненко «Тени снов» есть шемяще грустная, ностальгическая струя. Там описывается колония землян, заброшенная на далекую провинциальную планету. Ее немногочисленные обитатели, скучно доживающие свой век, — это все, что осталось от русской цивилизации и русского народа. Правда, когда происходит нападение вывалившегося из пространства-времени космического корабля, некоторые наши «соотечественники» демонстрируют героические черты своего характера...

Русские еще могут сражаться и могут возродиться?

Симфонии Азиопы

Русское будущее проблематично, ибо даже само существование России вызывает сомнения. Можно погибнуть, а можно и возродиться. Но как, какой ценой и с какими последствиями? Представители фантастического жара напряженно ищут ответы на эти вопросы. Варианты проигрываются самые разные. Если не нравится положение периферии или полупериферии Запада (образцы подобных сценариев мы приводили выше), то можно присоединиться к другой мощной глобальной силе и даже раствориться в ней. В романе Владимира Михайлова «Вариант

„И“» Россия укрепляется благодаря вхождению в мусульманский мир, дабы вместе с ним противостоять коварному Западу. Напротив, в «Мечети Парижской Богоматери» Е.Чудиновой исламская экспансия представлена как кошмарная антиутопия. Западная Европа полностью поработана магометанами; натиск полумесяца и зеленого знамени, установленный в средневековье, на сей раз увенчался успехом. Несогласные французы загнаны в подполье и ведут неравную борьбу с захватчиками. Несколько наших соотечественников, имеющих опыт сражений с мусульманами в Чечне и Югославии, помогают христианскому Сопротивлению поднять восстание и вновь сделать Нотр-Дам христианским храмом. При этом, по мысли Е.Чудиновой, столь жалкая участь ждет европейцев потому, что они утратили христианскую веру. В свою очередь Россия и, попутно заметим, Польша стали мощными и независимыми государствами в силу укрепления в них соответственно православия и католичества. Это – вариант «анти-И».

Но ведь можно сохранить свою веру и при этом потерять политическую субъектность, войдя в состав более сильной евразийской империи, скажем расширенной Поднебесной или возрожденной Орды. Данный сценарий описывается в цикле романов «Евразийская симфония, или Плохих людей нет» Хольма ван Зайчика. Прочитав семь книг этой «симфонии», порой утомительных, порой забавных, нельзя не заметить в них отсылку к политическим перипетиям недавнего прошлого и настоящего (проблема украинской самостоятельности, морально-политическая позиция академика Андрея Сахарова и Елены Боннэр и др.). Сюжеты романов строятся вокруг приключений двух друзей-«человекоохранителей», которые совершают свои подвиги, пресекая коварные происки врагов порядка, мира и гармонии, царящих в Орду.

Вячеслав Рыбаков, автор нашумевшего «Гравилета „Цесаревич“», в 1990-е годы, в разгар ельцинского хаоса и «раздрая», выпустил роман «На чужом пиру», в котором явственно чувствуется ностальгия по стабильности и порядку в страдающей России. В его сатирическом романе «На будущий год в Москве» никакой России уже нет, зато силен дух советского патриотизма. Обличение безумств торжествующей «демшизы», поддерживаемой и направляемой глобализаторами, выражено там открытым текстом. Однако сегодня, когда «старый порядок» в стране стремительно берет реванш, обличение «нового мирового порядка» выглядит довольно странно.

Видимо, не надеясь, что удастся навести порядок собственными силами, востоковед В.Рыбаков¹⁰ в соавторстве с И.Алимовым (именно этот дуэт и скрывается за псевдонимом «Хольм ван Зайчик») сконструировал свою версию истории, где Россия – это Ордусь, в XV в. присоединившаяся к китайскому Серединному царству; где процветает дружба азиатских народов; где Питер зовется Александрией на Неве-хэ и т.д.

Собственно, такого рода «евразийство» (Азиопа – каламбурил, кажется, П.Милюков) и вызывает наибольшее неприятие, хотя оно предлагается как выход для нашей страны. Банальное утверждение, что

¹⁰ См. *Разговор* 2007.

Россия вынуждена разрываться между «Востоком» и «Западом», увы, подкрепляется направлениями нынешних идеологических поисков. Лет 20, 15 или даже 10 назад западный вектор имел неоспоримое преимущество. Слова «демократия и рынок» (естественно, в европейском или североамериканском варианте) звучали как заклинание. Однако еще на заре наших розовых надежд известный политолог Адам Пшеворский очень символично закончил свою книгу о демократии и рынке: «Неприкрытые факты свидетельствуют о том, что восточноевропейские государства стремятся к капитализму и что они бедны. Это те же самые условия, которые характерны для множества народов по всей планете, так же мечтающих о процветании и демократии. Следовательно, резонно заключить, что все они столкнутся с обычными для капитализма в бедных странах проблемами экономики, политики и культуры. Восток стал Югом...»¹¹

¹¹ Пшеворский 1999: 299–300.

Попытка жить «как на Западе» обернулась для России новым историческим поражением. И по части «демократии», и по части «рынка». Конечно, виноваты мы сами, но наших западных «друзей» тоже есть за что поблагодарить. Запад немало поспособствовал провалу в России демократических реформ (а как иначе расценить его поддержку ельцинского режима?). Теперь для многих думающих людей в России очевидно, что Запад не всегда является нашим врагом, но другом он точно никогда не был и не будет. Западная русофобия неизбывна, и наша «всечеловеческая любовь» к Западу навсегда останется неразделенным чувством.

Какова же альтернатива? Любить Восток? Юг? Объединиться с ним против Запада, чтобы наказать коварного обманщика? Прежняя версия ориентации «на Туран» получила распространение среди русских эмигрантов именно в разгар предыдущей Смуты, после сокрушения исторической России в 1917 г. История евразийства – это интеллектуальная драма и большая человеческая трагедия. Вспомним хотя бы чекистские провокации (например, операцию «Трест») или судьбу Льва Карсавина, мечтавшего о «симфонии» власти и народа и погибшего в лагере даже без человеческого погребения, – все это наглядные свидетельства того, какую партию ведет в этой «симфонии» власть, лишенная «скудного» контроля со стороны общества. С членами этого общества поступают хуже, чем со скотом.

Политически или, если угодно, «геополитически» евразийский проект является тупиковым. Это практически сразу осознал великий русский мыслитель Иван Ильин. «Этот рецепт, – отмечал он, – совсем не противопоставляет русскую самобытность заимствованию; нет, он противопоставляет одно заимствование и подражание, неодобряемое, другому заимствованию и подражанию, похвальному: долой пресмыкание перед западом! Да здравствует пресмыкание... перед востоком! Перестанем быть полунемцами, полуфранцузами. Станем истинно русскими татарами! Для чего это? Не бред ли это? Ведь если бы эта вздорная идея удалась, Россия поистине утратила бы себя целиком и до конца»¹². Похоже, что И.Ильина сегодня много поминают, но мало

¹² Ильин 1992: 62.

понимают. Его философско-политическое наследие продолжает вызывать острые дискуссии¹³.

¹³ См. Ковалев, Цыганков 2006.

Помимо чудачеств и стремления застолбить за собой оригинальную идеологическую нишу, существуют и более весомые причины увлечения евразийством — те, на которые в свое время обращал внимание Ильин. Сами идеи евразийства, расцветшие среди части русских эмигрантов, взгляды Николая Трубецкого, Петра Савицкого¹⁴, того же Карсавина (до определенного периода) можно объяснить величайшей катастрофой, жертвой которой стала историческая Россия. Евразийцы видели в ней результат неправильной (западной) ориентации, которой придерживалась страна начиная с эпохи Петра I. Отчаяние людей, потерявших родину, можно понять. Но сейчас речь идет о другом: об окончательной ликвидации нашей суверенности и самобытности, о превращении в «навоз истории» для нового Турана. Причем роль последнего может сыграть как Китай или исламский мир, так и любая другая сила, которая выступит против «западного шайтана», используя для этого русские ресурсы. Подобные проекты проигрываются в самых разнообразных формах — как видим, и в фантастике.

¹⁴ См., напр. Клас-сика геополитики 2003.

Чем, однако, это обернется для самой России? Действие «Дня опричника» Владимира Сорокина происходит в 2027 г. В России, отгородившейся от Запада и переориентировавшейся на Китай, возрождена монархия и опричнина. Главный герой расправляется с врагами государства, регулирует вопросы идеологии и решает (не безвозмездно!) проблемы «мастеров культуры», выполняет деликатные поручения царицы, сражается за интересы своего ведомства против других «силови-ков»¹⁵, укрепляет «узы дружбы» с коллегами, предаваясь содомии. При первом прочтении «Опричника» мы колебались, как интерпретировать это произведение: как сатиру, антиутопию или попросту «русофобский пасквиль» в духе «Москвы 2042» Владимира Войновича? Удел России — вечная несвобода. Кому на Руси жить хорошо? Тому, кто лижет хозяйский сапог и готов уничтожить любого, кто противится «симфонии» холуйства между «народом» и властью. Каково же было наше удивление, когда в интернете один за другим стали появляться положительные отзывы о содержании книги как о позитивном идеале, а вовсе не сатире-предостережении. Согласно этим отзывам, ситуация настоящего отрицается в книге именно ради будущего. *Такого будущего!* Возможно, объяснение данного феномена содержится в комментариях самого писателя. Отвечая на вопрос, почему его и других так тянет в будущее, Сорокин заметил: «Это очень закономерная тяга, напоминающая мне времена Чернышевского, когда легче всего было именно что фантазировать о будущем. Потому что настоящее в России всегда понятно и безысходно. Вероятно, поэтому... Собственно, все мы до сих пор не научились жить настоящим. Мы балансируем между прошлым и будущим, и наши метафизические ноги разъезжаются. Нас разрывает. В этом, вероятно, и заключается основа русской метафизики. И я думаю, что на наш век этого „разъезжания“ хватит»¹⁶. То есть, и в обозримом

¹⁵ На эту тему см., напр. Латынина 2007.

¹⁶ Бавильский 2006.

будущем не вырваться из порочного круга несвободы, когда состояние тупой апатии прерывается лишь бунтами, бессмысленными и беспощадными. Преодоление последствий очередной «перестройки» – новый День опричника? Рациональное, позитивное, свободное, благополучное обустройство настоящего – это не наш стиль?

Напомню, у В.Сорокина между Россией и Западом стена; страна отгородилась, но поскольку автаркия невозможна, то пришлось развернуться в сторону Азии, Китая – совсем по-евразийски. Опять мы от кого-то зависим и не можем обрести достойное место в мире, а ведь так хочется. Может ли этому помочь империя или Империя с большой буквы? Примечательно, что авторы, которые противятся такому сценарию и яростно критикуют «имперский синдром», уже обратили внимание на фантастику. Так, на конференции фонда «Либеральная миссия», посвященной проблемам империи, Эмиль Паин с тревогой отмечал, что «антиутопия», эта литература эпохи страха, стала сегодня очень популярной, и в качестве выразителей подобных настроений называл имена как раз тех фантастов, которые пишут об имперском будущем России (Э.Геворкян, О.Дивов, Хольм Ван Зайчик, П.Крусанов и др.). Э.Паина данные тенденции крайне беспокоят, по его мнению, «вполне вероятно дальнейшее усиление жестокости власти: ведь в массовом сознании проявления недовольства нынешним режимом связаны не столько с уменьшением гражданских свобод, сколько с тем, что в народе относят к его „слабостям“»¹⁷. Власть опасно ослабла, и нужно ее укреплять. В.Сорокин показал, *как* это можно сделать. Не случайно его сатиру многие восприняли как позитивную программу, разве что собачьи головы и само название «опричина» – это, пожалуй, лишнее, поскольку отпугивает. Что до «гражданских свобод» и т.п., то, возможно, и хорошо, если их не будет. Кому они нужны – свободы эти, если следствием «разгула демократии» стало беспрецедентное геополитическое отступление государства на международной арене и разгул преступности внутри страны?

Мы задаем этот вопрос СЕРЬЕЗНО, а не ради риторики. Как быть, например, с влиянием криминальных структур на все сферы жизни общества? Успешно бороться с ними *по закону* в российских условиях в принципе невозможно. Разговоры о «правовом государстве» давно умолкли, ибо в правовом государстве власть связана законом, а она у нас этого не хочет и никто не в состоянии заставить ее соблюдать закон. Так может быть, не ломать особенно голову над гражданскими свободами, а просто бороться с «лишней» (для власти) преступностью преступными методами? Как описал это Олег Дивов в «Выбраковке» – просто отстреливать носителей девиантного поведения, не обращая внимания на вопли о «правах человека».

Имперский синдром

Здесь тесно переплетаются внешние и внутренние причины наших «бесконечных тупиков» и обвалных поражений после триумфов, ради которых принесены огромные жертвы. Почему у нас все «как

¹⁷ См. Паин 2007: 111–113.

¹⁸ Калашников, Кугушев 2006: 27.

всегда»? «Дело в том, что мир, который окружал Россию, создавался не нами. Нам все время приходилось под него подстраиваться, корежа свой национальный топос», — пишут М.Калашников и С.Кугушев в «Третьем проекте»¹⁸. По большому счету с этим можно согласиться, но если бы еще знать, как нам обустроить свой собственный мир. Неужели по Калашникову, методом выведения русского сверхчеловека? И каков тогда будет мир вокруг нас?

Мы должны сами разобраться, что нам нужно, а что нет. Почему, например, попытка демократизировать политический режим в нашей стране обернулась столь разрушительными последствиями и закончилась столь бесславно? Потому, что это были *не наши* рецепты, или же потому, что на самом деле никакого серьезного демократического проекта не существовало, а «демократия» была лишь ширмой для перераспределения «социалистической» собственности? Сейчас мы склоняемся ко второму варианту ответа, что, впрочем, вовсе не отрицает первого.

Россия никак не может обрести себя. Несмотря на все вопли о «суверенной демократии», российская политика, как внутренняя, так и внешняя, глубоко несuverенна, если считать, конечно, сувереном народ, а не очередного вознесенного к власти правителя. Однако искус «сильного государства» продолжает довлеть над «национальным топосом».

¹⁹ Володихин 2006.

Чего же мы на самом деле хотим? «Чего хотят десятки миллионов людей в нашей стране и чего им не дают получить? Обеспеченной жизни, интересного дела, порядка, уважения, возможности спокойно исповедовать свою веру и справедливости. А справедливости не будет — ничего, сойдет и милосердие. О чем они грезят? О возрождении Союза? Российской империи? Московского государства? Да все равно, как это будет называться, лишь это было *свое* государство, родное», — утверждает Дмитрий Володихин¹⁹. И предлагает рецепты достижения такого состояния путем постепенного перехвата власти в стране, незаметного переворота. Мотивы переворота присутствуют и у Дивова, Крусанова, Злотникова... Но королем всех «литзаговорщиков» может считаться Максим Жуков, автор романа «Оборона тупика». В этой книге описана история свержения и полного обезвреживания прежней политической элиты, а также первые шаги элиты новой. Жуков предлагает использовать те формы политического устройства, которые сложились к настоящему моменту, причем процедура выборов обретает симулятивные черты. Из-за кулис всей системой властных органов управляет сообщество «идейных Советников».

Нас заинтересовал вариант будущего по Максиму Жукову. Итак, заговор Советников удастся, и они приходят к власти. Как живет под этой властью население России? Наверно, хорошо. Ведь по отношению к Западу занята жесткая позиция, и в обмен на энергоносители оттуда поступают новые технологии. Этому способствует и мировое похолодание, которое наступает вопреки обсуждаемому сегодня глобальному потеплению. Олигархов частью постреляли, частью выгнали за границу; остановлена угроза и экспансия с Юга; Штаты опять самоизолировались

от Старого Света. Казалось бы, остается только жить и радоваться жизни. Но нет, посреди городов вспыхивают ожесточенные перестрелки, энквэдешники будущего бдительно всматриваются в посетителей баров в ходе очередной проверки документов. В общем, по мере движения к идеалу... «классовая борьба обостряется». Среди самих Советников обнаруживаются натуральные оборотни. С большими жертвами удается их выявить и уничтожить – прочитав Жукова, по-настоящему начинаешь понимать, как трудно было товарищу Сталину. А врагов все больше: хьюмены-людены из будущего, космические ведьмы из прошлого. Русский экспедиционный корпус «зачищает» Гамбург, однако враги заражают контрреволюционным безумием новые миллионы людей. *«От этого не изолируешься. Это как зараза. Совсем недавно пришлось выжечь Самару и только-только восстановленный Питер...»* Да-а... Ведь «ради чего проводится переворот? Дать людям дело, хорошее, любимое и благодарное дело... Ну а затем – обеспеченную жизнь, спокойное исповедание, справедливость, милосердие и множество иных производных, – хвалит Жукова Володихин. – Переворот по-жуковски – болезненный укол, от которого Россия громко ойкнет, но нельзя превращать его в удар молотком, расплющивающий кости ступни. Аккуратно. Нежно. Организаторы переворота отлично понимают: каждая смерть – новый грех им на души...»²⁰ Все это очень напоминает советские рассуждения о «бескровности» другого переворота, Октябрьского, который тогда назывался Великой Октябрьской социалистической революцией. Действительно, при штурме Зимнего, защищаемого женским батальоном, погибли считанные единицы и с той, и другой стороны. Зато уж потом счет пошел на десятки миллионов.

²⁰ Там же.

Но, может быть, М.Жуков – просто неопытный начинающий писатель, и мы зря так впечатлены романом, тем более что «Оборона тупика» – первая его книга. Возьмем тогда человека серьезного, настоящего подполковника милиции, маститого автора, написавшего много книг в жанре фантастики и фэнтези. Это – Роман Злотников. В связи с разбираемой темой нас интересует его диалогия «Империя». В пораженной ельцинской смутой России появляется группа ...нет, не людей, а, по-видимому, бессмертных люденов. Они знали не только Шикль-губера, но и других великих вождей прошлого, а их лидер перед огромной аудиторией сторонников показывает фокус: прилюдно отрубает себе руку и успокаивает ужаснувшуюся молодежь – скоро отрастет новая. Правда, последователи из россиян у этого сверхчеловека появляются лишь в результате напряженной и многолетней подготовительной работы. Создан и развивается специальный Фонд, который, в отличие от его западных аналогов, занимается не вербовкой агентов влияния и организацией «утечки мозгов», но работает на благо государства, будущей Империи. Благодаря неограниченным финансовым возможностям и совершенному менеджменту Фонд со временем приобретает громадное влияние, что позволяет ему приступить к поведению широкомастбанных реформ. Комплекс этих реформ выглядит весьма впечатляюще:

это и подъем отечественного производства, и новые чудесные технологии (знакомство автора романа с трудами Максима Калашникова налицо — мы тоже читали про струнный транспорт и новые энергоустановки в «Третьем проекте» и др. книгах), но самое главное — меняется Россия как государство и общество. Преобразуется система элитарного образования, открывается так называемый Терранский университет, а потом с помощью его выпускников, которые отправляются служить в армию сержантами, реформируются и вооруженные силы. Из криминальной структуры, где генералы воруют, офицеры подрабатывают грузчиками, а солдаты терпят издевательства и кончают жизнь самоубийством, армия превращается в настоящую грозную силу, способную дать отпор любому агрессору. Кроме того, терранцам удастся заставить чиновников ответственно относиться к нуждам простых граждан и отучить гаишников брать взятки. Быстро и жестоко осуществляется расправа с криминальными элементами (к преступлениям, караемым смертью, отнесено и покушение на изнасилование), в том числе с цыганскими наркоторговцами. В ходе этих и других реформ главный суперреформатор Ярославичев принимает титул императора и коронуется в день убийства последнего царя из рода Романовых. Так заканчивается роман «Виват Император!».

На этом бы и остановиться, однако существует внешнеполитический фактор — очень многим в мире не нравится сильная, возродившаяся Россия. Наверно, поэтому приключения героев Р.Злотникова продолжают в романе «Армагеддон». России приходится воевать (не зря же реформировали армию!), причем на два фронта. И если марш натовских танковых колонн на Москву бесславно проваливается, то близкая к победоносному завершению война с Китаем оборачивается применением ядерного оружия. В мире наступает «ядерная зима», но это еще не конец света (sic!), человечеству удастся выжить и после Армагеддона! Власть Империи распространяется по миру и спасает его. Америка повержена и наказана тем, что... сохраняет подобие суверенитета. Ей объявлено: *«Вы, американцы, фетишизируете слово „свобода“. Это можно понять. До сих пор свобода, и ваша собственная, и поддерживаемая вами так называемая свобода для других, причем только для тех, чья „борьба за свободу“ ослабляла ваших соперников, приносила вам только дивиденды... Живите как вам нравится и как у вас получится. Но знаете, почему Император не сделал даже попытки убедить вас принять Коронный договор? Потому что на Земле должно остаться хотя бы несколько государств, на примере которых каждый гражданин империи мог бы осознать простую истину, а именно: как здорово, что я живу в империи!..»*. А тем, кто не живет, остается только отчаянно завидовать. В конце романа несчастный америкос счастлив, что ему удалось за несколько рублей (!) продать чудом сохраненное виски.

Впрочем, его везение этим не ограничилось. Русский поделился с ним своей ароматной «Явой» и рассказал о жизни в Империи:

«Продукты пока еще по карточкам... Вроде как с будущего года есть надежда, что карточки отменят (благодаря урожаю в африканских и европейских провинциях)... Так что нам легче, чем вам. К тому же мы привычные и... у нас есть Император и терранцы...»

С чувством глубокого морального удовлетворения можно закрыть книгу. Геополитические полюса поменялись. Американцы получили сполна и за экспорт демократии, и за наше национальное унижение, и за экспансию доллара, и за популярность «Мальборо», и много еще за что.

Однако нужно ли стремиться играть в мире ту роль, которую сейчас исполняют США?²¹ И как быть с «ядерной зимой»? Ну почему это фантасты из патриотов так любят кликать несчастья на свою – и нашу – бедную голову?!

Да, очень многие силы, в том числе и в самой России, не хотят ее возрождения, и при нашей попытке по-настоящему встать на ноги будут ожесточенно этому сопротивляться. Но одно дело отстаивать свою свободу и независимость, драться за свой образ жизни, культуру и возможность распоряжаться собственными ресурсами, и совсем другое – проект Империи, экспансии вовне, если не под красным знаменем и при помощи Коминтерна, то во главе с Императором и с опорой на «терранцев». Имперская политика, американская или советская, реальная или фантастическая, чревата очень большими проблемами. Как отмечает Владислав Иноземцев, «имперская политика – это политика абсолютно вульгарного, поверхностного, демагогического использования риторики без всякого сущностного содержания. Имперскую политику проводит Америка, однако она – не империя, несмотря на то, что может ударить по любой точке планеты. И Россия – тоже не империя. В том и другом случае имперский проект является просто средством идеологической борьбы, причем нынешняя имперская демагогия настолько беспомощна и несостоятельна, что... разочарование в ней будет всеобщим и быстрым. Сегодня она способна только дискредитировать любое нормальное начинание»²². Однако если имперские притязания усилятся и превратятся не просто в демагогию, ситуация станет еще более опасной.

Сопротивление империям растет во всех частях света. Особенно сильно оно в тех регионах, где *историческое время существенно отличается* от времени носителей имперской экспансии. Отсюда «ведьмы» прошлого и «хьюмены» будущего. Они могут защищаться или нападать, но противодействие империям нарастает. Похоже, на Земле существует некий историко-цивилизационный предохранитель, который не дает глобальному экспансионизму окончательно победить. В различиях и сложности – залог выживания землян как цивилизации, людей как вида.

Но миражи Империи продолжают манить. Пусть хоть Армагеддон, но мы возьмем геополитический реванш! «Продукты пока еще по карточкам», зато у нас есть Император и сильное имперское государство. Очевидно, что имперские проекты, даже самые фантастические,

²¹ В октябре прошлого года, выступая на канале «Культура», Глеб Павловский заявил, что миссия России состоит в противодействии экспансии американского империализма (передача «Что делать?», 7.10.2007). Но ведь есть еще исламская опасность и китайская угроза! Должны ли мы бросить им вызов по отдельности или бороться со всеми сразу, как в «Империи» Р. Злотникова? А ведь мы – небогатая страна с сокращающимся населением! Без супервождя при таком сценарии никак не обойтись; мечты о демократии следует оставить как вредную, расслабляющую иллюзию.

²² Иноземцев 2007: 181.

подразумевают как само собой разумеющееся дискурс сильного государства. Гипотетически, конечно, мощная империя может и процветать. Произведений, где описывается такое состояние, полным-полно, взять хотя бы роман «Убить миротворца» того же Д. Володихина. А вдруг не повезет, и конкретный проект, в который вложены все силы, не даст желаемого результата? Ведь известно немало случаев, когда политика «сильных государств» оказывалась, мягко говоря, неудачной. Как преодолеть эту неудачную политику? Ведь «для придания веса текущим политическим событиям задействуется системно-коммуникативная логика, наделяющая (сильное) государство атрибутами единственно значимого субъекта политики, и в итоге созданный властным дискурсом концепт „сильное государство“ утверждается в качестве неотъемлемого компонента всех без исключения политических проектов, выдвигаемых политическими партиями, претендующими на влияние на федеральном уровне. Производимый таким образом дискурс есть легитимация властной иерархии в среде разнородных социальных сетей, причем единственное, что интегрирует сами сети, тоже оказывается дискурсом власти. Попытки переинтерпретировать смысл дискурса обречены на провал, так как этот смысл монополизирован властью. Его размывание чревато ослаблением самой власти, и потому поддержание монополии на смысл составляет ее важнейшую задачу. Несомненно, что сильное государство – как раз тот субъект, который способен подавлять любые альтернативные интерпретации своего положения. Какую же политику можно проводить, опираясь на властную монополию на смысл ключевых концептов? Ответ однозначен: любую»²³.

²³ Петров 2006: 181.

Следовательно, жителям этих «империй» остается надеяться на чудо и терпеть, даже если новая «имперская элита» опять завела их (нас?) в тупик, из которого нет выхода. Стоит ли так рисковать в будущем? Вот вопрос, который не дает нам покоя после знакомства с образцами «имперских» проектов в отечественной фантастике. Пренебрежение свободной и независимой личностью – неотъемлемая черта имперского этатизма. И даже люди сильные и незаурядные (такие, как «терранцы») – всего лишь слуги государевы, рабы очередного идеократического или «имперского» проекта.

К счастью, такие проекты хотя и пользуются большой популярностью, все же не доминируют. Возможно, для того чтобы России прийти к подлинной демократии, нужно не только сочинять авторитарные антиутопии, а потом критиковать их, но и больше *фантазировать* о свободе.

Вместо заключения

В этот обзор включена лишь небольшая часть отечественных произведений фантастического жанра, представляющих социально-политический интерес. И, разумеется, мы вовсе не претендуем на то, что наши трактовки раскрывают их подлинный смысл. «Никакое самое внимательное прочтение текста, – доказывает Квентин Скиннер, – не

²⁴ Цит. по: Роэцин 2006: 150.

гарантирует верную интерпретацию его смысла. Чтобы понять текст, недостаточно изучить его содержание»²⁴.

Помимо содержания текста, существует его контекст — он в окружающей культурной и политической действительности. Именно она отражается и преобразуется на страницах фантастических книг. Нелепо искать в них достоверные прогнозы. И вообще, возможность подобных прогнозов — даже на несколько десятилетий вперед — вызывает большие сомнения. Задним числом обнаружить сбывшиеся прогнозы и людей, которые их делали, не так уж сложно. Но других — ошибочных — на несколько порядков больше. Это неизбежно. В отличие от траектории полета снаряда, рассчитать траекторию общественного развития до окончания процесса почти невыполнимо. Люди из «низов» и «верхов» не слушают пророков не только потому, что глупы и невежественны (хотя и поэтому тоже!), но и потому, что отличить Кассандру от кликуши весьма непросто.

Мы строим прогнозы, пишем сценарии, проецируя на будущее нынешние тенденции. Но ведь тренд может резко измениться под влиянием некоего фактора X, которого не было или который мы упустили из виду. Некоторые заметили. Но кто они — эти некоторые и на какие факторы следовало бы обратить внимание, мы узнаем только постфактум.

И здесь опять уместно обратиться к К.Манхейму: «...Неизбежно возникает вопрос, что же произойдет в будущем. Невозможность дать на это удовлетворительный ответ с наибольшей очевидностью открывает перед нами структуру исторического понимания. Попытка что-либо предсказать была бы пророчеством. А пророчество неизбежно превращает историю во вполне детерминированный процесс. Лишая нас возможности производить выбор и принимать решение, тем самым отмигает и инстинктивная способность оценивать значение фактов и осмысливать постоянно меняющиеся возможности. Единственная форма, в которой предстает перед нами будущее, — это форма возможности, и должествование есть адекватное приятие ее»²⁵.

²⁵ Манхейм 1994: 217.

Важно другое. Да, фантастика — это всего лишь фантастика. Но она помогает стремиться к будущему, отнюдь не предсказывая его. Легко заметить, что рассмотренные в данной работе образцы фантастических произведений, несмотря на их привлекательность для идейных единомышленников того или иного автора, при более внимательном прочтении оборачиваются кошмарной антиутопией. «Кажется, что рисовать утопии бессмысленно. Но отказ от них означает отказ от будущего. От надежды преодолеть Антиутопию нынешнего безвременья», — эти слова вынесены на первую страницу книги самобытного философа из Карелии В.Штепы²⁶. И мы с ними полностью согласны.

²⁶ См. Штепа 2004.

В XIX в., когда неадекватность политической надстройки целям развития страны стала в очередной раз очевидной, некоторые предлагали «подморозить» Россию, дабы таким образом остановить процесс политического «гниения». Чем это кончилось, мы знаем: отказавшись от модернизации власти, правящий класс Российской империи вверг в

²⁷ Борхес 2005.

пучину бедствий и себя, и общество. И тут невольно приходит на ум один из рассказов Эдгара По, где описывается история смертельно больного, которого с помощью «месмеризма» погрузили в состояние гипноза²⁷. Больной длительное время находился под гипнозом, и все, казалось, было хорошо, но при попытке разбудить его случилось то, чего «не мог ожидать никто».

Пока я торопливо проделывал гипнотические пассы, с языка, но не с губ страдальца рвались крики: „умер!“, „умер!“, все его тело — в течение минуты или даже быстрее — осело, расплозлось, разложилось под моими руками. На постели перед нами оказалась полужидкая, отвратительная, гниющая масса».

Это сравнение не для России (Боже упаси!), а только для того политического режима, который мешает ей свободно жить и искать для себя пути дальнейшего развития. Возникший в начале 2000-х годов «месмеризм» прервал процесс политического диалога о нашем дальнейшем развитии, о том, как стране стать Россией-для-себя, а не «зоной» обогащения олигархии, силовой и не силовой. Эта «зона» возникла при попытке выхода из социализма, что в более широком плане означало попытку вырваться из дурного круговорота Русской Системы, начать жить по-новому.

При всей рискованности, противоречивости, сложности этого пути продвижение по нему все же давало надежду на освобождение от деспотии безальтернативности, на поиск альтернатив вне чередования смуты и деспотизма и их свободное политическое обсуждение. Опять не получилось — и дискурс «сильного государства» (и безропотно подчиняющегося ему общества) снова возобладал. Другие предложения и заявки уже, как говорится, не принимаются. Современная отечественная фантастика в лице ее социально и политически ориентированных представителей в «превращенной» форме продолжает яростно спорить о настоящем и будущем, тем самым продолжая готовить появление чего-то нового. Конечно, лучше бы по-другому, при помощи демократических институтов, но выбор площадки сейчас от нас не зависит. Если относительно свободной осталась фантастика, то ее дискурсы — это политические дискурсы, и именно здесь идут споры тех, кто мечтает об ином, кто преодолел бесплодие стабильности. И если их сознание порождает главным образом антиутопии, значит, нужно стремиться этих антиутопий избежать. Но у многих авторов есть и вполне здравые, полезные идеи, которые могут пригодиться России. А это уже побуждение к действию, в том числе и политическому. Активно разрабатываемые и живописно описываемые сценарии будущего так или иначе заставляют считаться с собой уже в настоящем, иногда изменяя ход текущих событий. Бурный, крайне противоречивый «выброс» отечественных сценариев будущего, антиутопий и утопий, — это косвенное свидетельство того, что теперешняя псевдостабильность в России не продержится долго.

Дискурс-схватки уже начались!

Библиография

- Бавильский Д.** 2006. Владимир Сорокин: «Перестройка у нас еще и не начиналась...» // *РБК*. 29.08.
- Борхес Х.Л.** 2005. *Антология фантастической литературы*. – СПб.
- Володихин Д.** 2006. Миражи переворота // *АПН.ру*. 8.10.
- Делягин М.Г.** (ред.) 2000. *Практика глобализации: игры и правила новой эпохи*. – М.
- Ильин И.А.** 1992. Самобытность или оригинальничание? // *Начала. Религиозно-философский журнал*. № 4.
- Иноземцев В.** 2007. Разочарование в нынешней имперской политике будет всеобщим и быстрым // Клямкин И.М. (ред.) *После империи*. – М.
- Калашников М.** 1998. *Сломанный меч Империи*. – М.
- Калашников М.** 2000. *Битва за небеса*. – М.
- Калашников М.** 2003. *Вперед в СССР-2*. – М.
- Калашников М.** 2006. *Крещение огнем. Вторжение из будущего*. – М.
- Калашников М., Кугушев С.** 2006. *Третий проект. Спецназ Всевышнего: книга-расследование*. – М.
- Классика геополитики. XX век.** 2003. – М.
- Ковалев В.А., Цыганков Д.Б.** 2006. Диалог on-line: Иван Ильин и альтернативы нашего политического будущего // *Политическая экспертиза*. № 4.
- Латынина Ю.** 2007. Большой брат слышит тебя. Война спецслужб – это наше разделение властей // *Новая газета*. 11–14.10.
- Манхейм К.** 1994. Идеология и утопия // *Диагноз нашего времени*. – М.
- Паин Э.** 2007. Империя в себе. О возрождении имперского синдрома в России // Клямкин И.М. (ред.) *После империи*. – М.
- Переслегин С., Переслегина Е.** 2001. *Тихоокеанская премьера*. – М.
- Петров К.Е.** 2006. Доминирование концептуальной многозначности: «сильное государство» в российском политическом дискурсе // *Полис*. № 3.
- Пшеворский А.** 1999. *Демократия и рынок*. – М.
- Разговор с Вячеславом Рыбаковым:** «Писал о том, о чем нельзя». 2007. // *Миры фантастики и фэнтези*. 19.06.
- Роцин Е.Н.** 2006. История понятий Квентина Скиннера // *Полис*. № 3.
- Шмиц Дж.** 2002. Водный мир // *Современная фантастика: Бигль Л. Мир мендеров. Шмиц Дж. Водный мир*. – М.
- Штепа В.** 2004. *РУТОПИЯ*. – Екатеринбург.